

Тайны ордена

Автор:

Артем Каменистый

Тайны ордена

Артем Каменистый

Девятый #6

Невозможно получить ответы в том случае, когда некому задавать вопросы. Все прочие твои затруднения – пустяки. И если источник ценных сведений найден, не скупись на плату. Что? Он не берет денег? И ты должен вновь отправиться за море, на негостеприимный южный берег? Ничего страшного, такая цена тебя вполне устраивает.

И снова дует ветер в паруса боевых кораблей, лучше которых нет во всем мире, а гранитные стены рушатся, столкнувшись с тем, что этот мир тоже еще не видел. Сожженные крепости, взорванные галеры, разоренные города – такова цена за тайны ордена.

Артем Каменистый

Тайны ордена

Пролог

Два помощника палача осторожно спустились по крутой лестнице, каменные ступени которой уже не первый век полировались подошвами бесчисленного количества жертв и их мучителей. Плечистые ребята опасались оступиться:

их неловкость могла привести к нешуточным неприятностям. Они ведь не с пустыми руками заявили, а с длинной жаровней, доверху наполненной раскаленными углями.

Голый узник, прикованный по рукам и ногам к решетке из железных прутьев, скосив взгляд, заметно занервничал, прекрасно понимая, что жаровню принесли вовсе не для отопления подвала. Здесь, на испепеленном солнцем южном берегу многострадального моря, в столь неглубоких подземельях даже в самые суровые зимы не бывает холодно. Отсюда проистекают корни проблемы с сохранением скоропортящихся припасов: как ни закапывайся, а приличной прохлады не добьешься. Остается одна надежда – на ледники. Но такую роскошь могут позволить себе немногие, потому как лед приходится доставлять с далеких вершин Тигровых гор, и продают его по бессовестным ценам.

Гальверус, не выдержав, чихнул, в глазах заслезилось. Они, как и вечно воспаленный нос, были чувствительны к дыму. Недовольно поморщившись, он обернулся в сторону помощников палача, брезгливо протянул:

– Уголь у вас какой-то совсем уж недожженный.

От этих слов глупые детины едва не перевернули жаровню, а один попытался нелепо оправдаться:

– Дали нам такой, сам не знаю почему.

Объяснить им в очередной раз, что все из-за их вопиющей тупости? Да это все равно что читать нотации навозной мухе. Потому не стал затрагивать этой темы, сказав другое:

– Опустите решетку.

Помощники кинулись исполнять приказ, а палач, насвистывая незатейливую мелодию, подошел к жаровне, перемешал угли железным прутом, задумчиво произнес:

– И впрямь пованивает нехорошо. И глаза режет. Хреновый нынче уголек пошел. Надо бы привести того хитреца, что его продал, да еще и не постеснялся взять

обычную цену. Уж я бы с ним поговорил как следует...

Узник, уже не сомневаясь, что сейчас произойдет, неистово затараторил:

– Хватит! Пожалуйста! Я ведь все уже рассказал! Все! Все, что вы хотели узнать!

Гальверус кивнул в сторону палача:

– Сейчас я буду задавать тебе разные вопросы, а этот добрый человек позаботится, чтобы ты отвечал правду, а не то, что обычно.

– Но я ведь и говорил правду! Всю правду! Всем вам говорил! Да что вы здесь творите?! Неужели сами не видите, что я не путаюсь?! Говорю ведь одно и то же всегда! Вас что, совсем не учили проводить допросы? Хватит! Вы все узнали! Я скажу! Скажу! Только уберите это! Не надо! Я ведь и так все скажу! Я ведь никогда не молчал! Сам все скажу! Опять скажу! Снова и снова буду говорить, только прекратите!

– Итак, – невозмутимо произнес Гальверус. – Ты и дальше собрался запираяться и нести околесицу?

– Запираяться? Я не запирался! И я говорил правду! Правду!!!

Покрутив писчее перо между пальцами, Гальверус пробежал глазами по тексту допроса, набросанному на тщательно выглаженном поле жабьего листа из южных болот, и, вздохнув, начал читать:

– «Меня зовут Джон, а родился я в Нью-Йорке. Это большой город на берегу огромного моря, и располагается он в землях, которых вы не знаете, потому как на корабле или пешком туда не попасть. И даже будь у вас крылья подобно птицам, все равно туда дороги не найти. Сам я попал оттуда сюда при помощи особой магии и мудрых чародеев. Они извлекли мою душу и перенесли ее в тело Дайка, галерного раба на шестом весле по правому борту «Красотки Роны», портовой буксирной галеры, что в тот момент была привлечена к патрулированию северных вод, которое ей иногда приходилось осуществлять после набега межгорского стража на Железный Мыс. Как свободный по рождению и жизни человек, быть рабом я не пожелал и при случае избавился

от ручных оков. Но когда занимался ножными, сосед по веслу поднял тревогу, соблазнившись наградой, положенной в таких случаях. За это я его убил цепью, а затем попытался убить надсмотрщика, в чем почти преуспел: крепко его покалечил. После чего покинул галеру, проплыл немалое расстояние до берега и там был схвачен стражей, которой успели подать сигнал с корабля. Сообщников в этом деле у меня не было. Также не может быть и речи о том, что я беглый раб, ведь это вина чародеев в том, что они не могут выбирать свободное тело для души».

Выдержав стандартную паузу, Гальверус вкрадчиво уточнил:

– Все верно?

– Ну примерно так, – устало подтвердил узник.

– Вот это и плохо. – Писарь-дознаватель покачал головой.

– Что?! – насторожился беглец.

– А все. Первый раз вижу буйного раба с такой глупой историей.

– Я не раб!

– Раб. Звать тебя Дайк, ты простой дурачок, который сызмальства ошивался при Рачьей пристани и был там схвачен за мелкую кражу, причем не единожды. За воровство в итоге и угодил на весло. Знамо дело, на галере тебе не очень-то понравилось, вот и решил податься в бега. Не будь в тот момент «Красотка Рона» под военным флагом – вздернули бы тебя прямо на месте поимки. Но так как эту портовую калошу привлекли к патрулю, на нее, ее команду и рабов распространяется указ наместника об особых мерах по обеспечению порядка на территориях, пострадавших от набега стража. Там есть пункт о разнообразных льготах и послаблениях для защитников наших земель, которых привлекли к опасному делу, и только поэтому твои глаза сейчас не выклеивают чайки. Да и остальное они потерпеть не против. А мы, уважаемые и весьма занятые люди, тратим свое время и казенное имущество в виде угля, чернил и прочего – и все ради тебя, никчемного вонючего отброса. – Гальверус обернулся к палачу: – Он опять затянул свою песню. Приступайте. Я хочу, чтобы он при свидетелях дал нормальные показания, а не этот бред,

иначе мы его и сегодня не повесим.

– Стоит ли возиться, напишите как надо, мы все подтвердим, – прагматично предложил палач.

Гальверус покачал головой:

– Я бы и сам догадался до такого, но вот есть в его истории то, чего я никак не могу понять. Может, пустяк, может, ерунда полная, но даже мелочь в нашем деле иной раз многого стоит. Не должно быть неясностей. Даже мелкие нельзя оставлять без внимания.

– Вам виднее, – кивнул палач и, взмахом призвав помощников, направился к пленнику, который отреагировал на это движение заунывным, полным отчаяния и предчувствия близкой муки криком.

Гальверус отложил перо. Краткий опыт знакомства с узником подсказывал, что в ближайшие минуты от него ничего членораздельного не добьешься. Будет орать как резаный и временами ругаться, в том числе на неведомом языке.

А вот это как раз странно. Еще одна из странностей этого беглого раба. Дурачок с Рачьей пристани и в лучшие годы пары слов связать не мог, а в трюме свихнулся окончательно: ничего, кроме мычания, от него никто не слышал вот уже несколько месяцев. «Красотка Рона» не громадина, набитая молодчиками немалой оты, а портовая лоханка, чья работа – бережно подводить неуклюжие парусники к нужному причалу. Гребцов на ней мало, скорости ведь особой не требуется, да и лишние средства на прокорм невольников с неба не падают. Потому каждый раб на виду, все о нем всё знают, вот и Гальверусу боцман рассказал немало. Ну как немало: несколько слов, но на приличном корабле и столько ни из кого не выдавишь, кроме разве как из трюмного надсмотрщика. Но с тем мастером кнута, который служил на «Красотке», все очень плохо. Даже если выкарабкается – неизвестно, сможет ли когда-нибудь говорить, ведь нижнюю челюсть у него в месиво цепью разворотило, раздробив кость и оставив от зубов гнилые пеньки.

А теперь-то этот недоумок чешет как по писаному. Хотя временами срывается на неведомый язык. В том, что это именно язык, а не бессвязный набор звуков, Гальверус не сомневался: ухо у него набито на такое дело. Уж столько допросов

повидал, что бред от связной речи вмиг отличит.

И с чего это мычащий идиот вдруг стал полиглотом? Откуда у него такие сложные сказки про далекую землю, которые даже умному человеку незазорно послушать?! И как этот задохлик сумел расправиться с парой человек? Пусть один из них такой же никчемный раб, но ведь второй о-го-го! Хилых надсмотрщиков не бывает, в трюме они долго не живут.

Гальверусу не нравилось непонятное. Само собой возникало непреодолимое желание его прояснить. Не жалея чернил, угля, писчего листа и прочего.

Особенно угля. Вон как палач расстарался.

Пожалуй, пора дать отмашку, излишние телесные терзания – вред делу. Обеспамятеет раб, и обливай его потом водой, покуда не очнется. Нечего здесь сырость разводить.

Ну-ка. Что он на этот раз расскажет? Какую историю?..

– Я вам не раб! Я сержант морской пехоты Джон Смит!!! И я родился в Гарлеме! Твари, дайте только шанс, никто из вас отсюда не уйдет! Чертовы расисты!!! Ненавижу!!!

Ну вот. Опять все тот же неизвестный язык. И хотя слова оставались непонятными, о смысле Гальверус догадывался.

Мутный раб. Непонятный. И наглый – ни во что не ставит авторитеты. Очень не хочется обращаться к серой братии, но, похоже, без жрецов в этом случае не обойтись. Слово за ними. Хорошо, если заберут к себе. Оттуда никто не возвращается, одним делом меньше будет.

Глава 1

Котия. Географо-политический очерк

Котия – странная страна. Если говорить точнее, то это и не страна вовсе. Так себе – скромный анклав, территория сомнительной принадлежности, географический курьез. Полдюжата деревень, городок и замок неподалеку от устья Лемуры. Даже тюрьмы нормальной нет, не говоря уже о развитии этого вопроса до полноценной каторги. Тянет на приличное баронство, не более. И тем не менее этот огрызок наслаждается почти всеми выгодами суверенитета, несмотря на то что с запада и востока к нему тесно прижимаются Таллир и Маглан.

Вот они как раз полноценные государства. С королями, армиями солдат и взяточников-чиновников, вассалами, крепостями, цветастыми знаменами, затейливыми гербами, страшными каторгами и прочими неперенными атрибутами серьезной власти.

А еще Таллир и Маглан издавна славятся как страны, где богатства принято наживать мечом, а не плугом. Этим инструментом там владели мастерски, отчего нужды и голода там давно уже не случалось. Близлежащие и даже не очень близлежащие страны не слишком радовались таким занятым соседям, но их мнением здесь никто никогда не интересовался.

Ну в самом-то деле: кому интересно, о чем думает глупая овца перед стрижкой шерсти?

Время от времени овцам становилось совсем уж невмоготу, и тогда они объединялись в стадо. То есть собирали объединенную армию, задачей которой являлось если не покорение неумных соседей, то хотя бы приличная трепка. Глядишь, после такой забудут некоторые из своих привычек.

И вот что интересно: в обычное время таллирцы не упускали ни единой возможности урвать что-нибудь с магланцев. Процесс этот был нескончаемым и взаимным. Учитывая примерное равенство противников, обоюдные набеги длились уже не первый век с приблизительно одинаковым успехом на самых разных уровнях: то в Таллире двух коров недосчитаются, то в Маглани умыкнут дюжину коз; там рыбацкое селение разграбят подчистую, а там возьмут на абордаж купеческую лоханку.

Это, разумеется, примеры событий низового уровня. В серьезных случаях доходило до горящих замков и городов, а уж крупные деревни грабили с такой

частотой, что в самых бойких местах крестьяне отстраиваться не успевали.

Вернусь чуть назад: итак, в обычное время бешеная собака со злощей кошкой живут куда гармоничнее, чем Таллир с Магланом. Но это в обычное. Стоит на горизонте замаячить вражеской армии – и уже не столь важно, против кого ее собрали: непримиримые соседи объединялись и, пользуясь богатым грабительски-военным опытом своих дружин, устраивали совместный отпор.

Лишь таллирцу позволено лупить магланцев, и наоборот. Всем другим это строжайше запрещено: тумакон огребут тут же, причем от обоих.

Вот так здесь и жили уже не первый век.

Возникает в высшей степени логичный вопрос: как крошечная Котия смогла сохраниться, находясь меж территорий, где каждый житель, еще толком не выбравшись из утробы матери, тут же норовит одной рукой что-нибудь стащить, а другой пырнуть ножом в брюхо повитуху?

Кусок сочного парного мяса между парочкой изголодавшихся псов – вот что такое Котия. Только волокна у этого мяса жестковатые, застревают меж зубов. В давние годы не раз и не два то с запада, то с востока приходили незваные гости немалым числом. Треугольник земель, который располагается в пышной дельте Лемуры, разоряли подчистую и те, и другие, да все без толку. Уж больно лакомая территория, и при равенстве сил удержать ее надолго ни у того, ни у другого не получалось.

Чем лакомая? А тем, что в судоходном рукаве дельты располагался порт и прикрывающий его замок. Порт этот мог принимать как речные суда, так и морские: глубины и течения позволяли. Здесь осуществлялась перегрузка товаров, потому как выше глубоко сидящие парусники и галеры подняться не могли. От бесперебойной работы этого перевалочного пункта зависели торговцы нескольких развитых государств.

Ширина судоходной протоки была такова, что проскользнуть мимо крепостных баллист – задача, скажем так... Проще уж с завязанными глазами плевком муху сбить на лету, чем на такое пойти. Зато, выходя из дельты, корабль оказывался на широких просторах Лемуры, где его, конечно, можно перехватить, но для этого понадобятся другие корабли – быстрые, с умелой командой и малой

осадкой.

Такие были в Таллире и в Маглане. Но корабли лишними не бывают. Если стерегут русло, то, следовательно, в дальний набег уже не пойдут. И вообще торговцам там нечего опасаться. На Лемуре таллирцы и магланцы разбойничать не позволяли никому, кроме тех случаев, когда они грабили друг друга. Но это святое и посторонних не касается. Невыгодно деловых гостей дергать за самое дорогое – кошелек. Торговые люди такого очень пугаются, другими путями начнут пользоваться, где побезопаснее. А это значит, что не будет пошлин, да и торговля прекратится, и захиреет все без нее.

Опять же если Котией владеют одни, а в русле хозяйничают другие, то купцам приходится и тем и тем пошлины платить. А это неудобно и неприятно, торговля не очень-то дружит с таможнями. Да и пугаются они, когда по протокам дельты снуют боевые корабли. Они ведь не просто свои границы там охраняют, а в любой момент готовы сойтись с кем-нибудь в горячей абордажной схватке.

Уж не знаю, как и кто там договаривался, но всякие войны за дельту вдруг прекратились, и на ее болотистых землях возникла новая страна – Котия. Не сказать, что великая: даже короля не было, обходилась герцогом, да к тому же титул его люто оспаривали везде, за исключением Таллира и Маглана. Зато были у нее свой флаг и герб и, самое главное, таможня. Единственная таможня в низовьях реки. И очень даже серьезная таможня, с серьезным отношением к делу. Всякий пришедший сюда корабль должен был предъявить трюмы к осмотру, по результатам которого назначалась пошлина. Цифры брались не с потолка, а из толстых книг, к которым не придерешься. За взятки здесь охотно рубили руки, и вообще, по отзывам торговых людей, все было налажено в высшей степени четко. Под прицелом крепостной артиллерии подходишь к причалам, на борт поднимается досмотровая команда с писарями, час-другой – и ты свободен, и чуть беднее, чем в тот момент, когда пришел. Бумага с печатью, и все – разбойники из Таллира и Маглана не потребуют ни монетки за дальнейшее плавание и, даже более того, будут оберегать от нападений иноземных грабителей.

Другая статья доходов с порта – перегрузка товаров с морских кораблей на речные и наоборот. Организована на высоком уровне, цен не задирают, так что купцы платили без лишнего ворчания.

Здесь купцы – тот еще народ. Каждого первого можно смело вешать по статье «шпионаж». По своему опыту сужу: чуть ли не сто процентов сведений, которые я сейчас перечислил, были получены именно от этой публики.

Они и обо мне и о моих секретах также кому-то потом рассказывают. И что интересно – совершенно бесплатно. Их можно понять: стараются всеми доступными способами налаживать доверительные отношения с хозяевами тех земель, где приходится торговать.

Неприятно лишь то, что доверительные отношения они при этом пытаются наладить сразу со всеми. Не стесняясь с методами. И вообще ничего не стесняясь. Ничего святого...

У Котии, разумеется, имеются какие-то крайне запутанные договоры с парочкой не в меру агрессивных соседешек. И по договорам этим, само собой, она делится тем, что получено с купцов, рыбаков и крестьян, которые окучивают жалкие наделы среди болот. Выращивают при этом вовсе не хлеб, а какую-то дурную траву, родственником которой, я так понимаю, является широко известная даже в кругах, бесконечно далеких от ботаники, индийская конопля. Только родственник наш бедный, по сути никчемный. Здесьнюю дурь уважают, в сравнении с банальной марихуаной она будто редчайшее коллекционное вино на фоне трехкопеечного портвейна, выжатого из гнилых яблочных огрызков. Для кайфа ее надо немного, и кайф этот дикий, привыкание стойкое и быстрое. Даже деды не гнушаются контрабандные сделки с таким товаром проворачивать, потому как за морем наркота куда скромнее по качеству.

Впрочем, как и везде: дельта Лемуры – это нечто вроде легендарной Чуйской долины. Считается, что лучше сырья, чем здесь, нигде не найти. Наркоконтроля этот мир никогда не видел и не скоро увидит. Дурь – обычный товар, никакого криминала здесь за ней не числится. Так что местные не считают занятие котских крестьян предосудительным занятием. И никто не удивляется тому, что честному хлебу они предпочли хрен знает что.

Ведь хлеб чуть ли не в двадцать раз невыгоднее, и цена сильно различается в зависимости от года. А у дури таких колебаний не бывает.

Итак, всем хорошо. Купцы имеют безопасный проход плюс адекватных и шустро работающих таможенников, собранных в одном месте. Это, естественно,

способствует торговле и, следовательно, процветанию всех ее участников. Таллир и Маглан имеют с коммерции свою долю. Пусть она не такая щедрая, как было бы в случае единоличного контроля дельты, но стабильная и год от года возрастающая – ведь негоцианты что перекасти поле: несет их туда, куда ветер дует. А ветер коммерции дует туда, где меньше препятствий для бизнеса.

Великий герцог Котии («величие» его герцогства иногда оспаривается даже в Таллире и Маглане, правда, так... без особого рвения) контролирует скромную территорию, где он вправе делать что угодно, если это не сказывается на прибыли. То есть он может расхаживать с важным видом в сопровождении свиты, попивать дорогие вина и вкушать диковинные деликатесы из далеких стран, устраивать смотр личной гвардии, в данный момент насчитывающей аж двадцать шесть душ, портить девиц-посудомоек при замке и изо всех сил не обращать внимания на внушительные караулы при башнях, стенах и метательных машинах, что укомплектованы наемниками из Таллира и Маглана. Причем интересное дело: никто никогда не видел и не слышал, чтобы великий герцог хоть затертый медяк уплатил этим ребятам из своего кармана. А вот то, что командуют ими офицеры из дружин первых лиц Таллира и Маглана, – факт широко известный.

Такой вот он, котийский суверенитет.

Да, кое-что забыл: всю эту кормушку, как я уже упоминал, охраняют стены и машины замка, поставленного на берегу единственного судоходного рукава в дельте Лемуры. Возможно, когда-то и по другим можно было пройти, но, после того как их на совесть захлामीли затопленными деревьями и большими камнями, там разве что лодкам-плоскодонкам место.

Замок – лакомый кусочек. И потому великий герцог со своей не менее великой армией (двадцать шесть рыл) при помощи трех с половиной сотен наемников с запада и востока окопался в практически неприступном оплоте. Мне это говорили буквально все, кто видел эту цитадель.

Темный камень от основания стен до макушек башен, что в этом мире нечастое явление, а уж на не самых богатых землях со сложной историей вроде Котии – вовсе нонсенс.

Камни бывают разными. Те, из которых сложен замок герцога, не на берегу насобирали, взяв первые попавшиеся, а добыли в каменоломнях в среднем течении Лемуры. Торговые лоханки речников не один год свозили вниз тяжеленные блоки, напильные стремительно богатеющими от такого движения каменщиками. Раствор, их скрепляющий, замешивали мастера из далеких западных земель, знающие какие-то древние секреты. И сырье для этого они свое привезли. Ну если не все, то какие-то добавки точно.

Технология сверления блоков, после чего сквозные отверстия заливают скрепляющим все свинцом, здесь тоже применялась, несмотря на дороговизну.

Это в Мальроке свинец местный, а в Котию его еще надо привезти откуда-нибудь, и бесплатно металл вряд ли отдадут.

Хотя не удивлюсь, если узнаю, что таллирцы и магланцы в ту самую пору обложили кого-нибудь странной данью: требовали свинец, известь, высококачественную древесину и прочее, что требуется при строительстве серьезной крепости.

Старшим над батареями метательных машин, по слухам, стоял выходец с юга. Самый настоящий дем. Попал в плен, его познания оценили, попросили взглянуть в сторону плахи, заскорузлой от неоднократно пролитой крови, затем указали на виселицу, где веревка давно уже не нуждалась в мыле, потому как до сердцевины пропиталась жиром многочисленных клиентов, и, наглядно обрисовав, так сказать, не слишком вдохновляющие перспективы выбора, озвучили альтернативное предложение, за которое он с радостью ухватился.

Все, кто видел эти машины, отзывались о них одинаково: «Мимо хрен проскочишь». Судходное русло напротив замка не отличается особой шириной, и до противоположного берега дистанция в два раза меньше, чем та, на которую артиллерия может забрасывать снаряды.

В том числе и зажигательные – они у котийцев имелись. Это было продемонстрировано на одном из сборов таллирцев и магланцев перед совместным походом. Забавы ради их вожди приказали расстрелять на фарватере какую-то лоханку. Так сказать, устроили фейерверк перед наблюдательными гостями из других стран.

Сборы...

Сборы – это отдельное явление котийской жизни. Речь не о сборе чудо-травы, речь о сугубо местном военно-политическом явлении.

Я ведь уже упоминал о том, что в случае угрозы внешних проблем таллирцы и магланцы дружно забывают, кто у кого и сколько коз увел, после чего отправляются бить тех, кто нагло пытается испортить своим вмешательством здешнюю атмосферу – донельзя милую и чудесную, не переносящую чужого присутствия.

Так вот, прежде чем дружно отправляться куда-то кого-то бить, надо где-нибудь собраться, иначе дружно вряд ли получится. Высокотехнологичных средств связи нет, и вообще этот мир даже до простейшего телеграфа еще недодумался.

Таллирцы и магланцы собирались в Адене – единственном городе Котии. При этом верхушка армии располагалась в замке, а остальные где придется. На этот случай в порту имелось столько мощностей в виде причального и прочего хозяйства, что купцы и пятой доли не способны занять. И правильно, потому как все это держалось для боевого флота. Там ставили узконосые галеры под погрузку, оттуда они дружно уходили вниз по течению или вверх – смотря с какой стороны грозили неприятности.

Не спрашивайте, почему сборы устраивали именно в Котии, вопиющим образом оскорбляя суверенитет великого герцога. Ответа я не знаю. Так принято, и все.

Разве что предположить, что на «нейтральной» территории милые союзники будут меньше колотить друг дружку по морде и прочим частям тела, припоминая давние и свежие обиды.

Возникает вопрос: зачем я столько всего рассказываю про этот вшивый Аден, его сомнительного герцога и прочую публику? Мелкие страны, никому пока не нужные и располагающиеся далековато от родного Межгорья. Грызняя Таллира и Маглана друг с дружкой и соседями – это беззаботные развлечения беззубых щенят под выменем матери в тот час, когда никто из сильных мира сего не покосился внимательно в их сторону. Решат имперцы, что устье Лемуры негоже оставлять для игрищ эдаких хулиганов, – и отнимут. Или кто-то другой, в претендентах недостатка нет.

Ну так вот, я не хочу ждать, когда это случится. Я сам отниму ключ к Лемуре. Сегодня я захвачу неприступный замок Адена.

Я, знаете ли, со времен первого знакомства с Мальроком до дрожи душевной полюбил каменные замки. Надеюсь, это нормально? Не постыдное извращение?

Риторические вопросы. Здесь, судя по всему, нет ни психологов, ни психиатров, и постановка какого-либо диагноза мне не грозит.

И вообще по здешним меркам я абсолютно нормален. В мире, которому я до сих пор не удосужился дать названия, лишь полный псих не мечтает расширить список своей недвижимости за счет чужой собственности.

Причем бесплатно и с применением насилия.

Глава 2

Самый неприступный замок

Просто так нормальный человек в болото не сунется. Ничего сильно интересного там нет, зато полно комаров и прочей летучей и ползающей нечисти. Я уж не говорю о том, что можно навечно остаться в гиблой трясине. Кто знает, что ждет на следующем шагу, ведь даже в ясный полдень, имея стопроцентное зрение, невозможно разглядеть – что там, подо мхом и податливой жижей? А уж темной ночью...

Мысленно вздохнув (здесь не то что вдохнуть – моргать старались как можно аккуратнее, чтобы не выдать себя предательским шуршанием ресниц), я плавно освободил ногу из объятий цепкой грязи и начал осторожно прощупывать ступней пространство впереди. Гарнизон замка (будь он четырежды проклят!) не поленился набросать под стенами «ежей» из длиннющих колючек какой-то здешней разновидности акации. Говорят, в прежние времена из этих штук делали короткие стилеты – дешевые, тонкие, не нуждающиеся в заточке и при этом очень твердые. Мягкую кожу мокасин они проткнут с такой легкостью, что заметишь это, лишь когда деревянное острие проскрежет

по пяточной кости, вырвав произвольный вопль из груди. К тому же болотная гниль должна поработать пару лет, прежде чем они станут ее частью, а обновляют их каждую пару месяцев. Так что вокруг меня их сейчас полным-полно.

Так и есть – большой палец наткнулся на нечто подозрительное. Не болотный мох и не окошко мутной воды среди податливых кочек. Что-то опасно твердое. «Еж» или нет – некогда разбираться. Сдвинул ступню чуть левее, продолжая балансировать на одной ноге. Эдакая цапля, которой ночью не спится.

Для меня и бойцов передовой группы подобная акробатика – плевое дело. Надо будет – с рассвета до полудня простоим в позе этой самой призадумавшейся цапли. Для сегодняшнего дела подбирали самых терпеливых, выдержанных, хладнокровных и тренированных: импульсивные поступки и физическая немощь могли поставить крест на всем замысле.

Двадцать восемь ребят, включая меня. Против считающегося неприступным замка с гарнизоном в три с половиной сотни отборных головорезов из Таллира и Маглана. И не надо забывать о личной гвардии великого герцога: двадцать шесть вояк в позолоченных латах (изыски местного «гламура»).

Да, чуть не забыл. Как раз сейчас, согласно неведомо как возникшей традиции, разбойничь... простите, боевые дружины таллирских и магланских феодалов совместно выступают против набега союза парочки соседей, в свою очередь старающихся отомстить за череду набегов с территорий Таллира и Маглана. И собираются они, как это у них принято, в Адене.

Так что помимо стандартного гарнизона в замке сейчас находится не меньше сотни тех самых феодалов. Все как один вояки хоть куда, и при каждом от двух до пяти телохранителей, в зависимости от ранга. Больше через ворота крепости не пускали во избежание конфликтов. А так, вспомнив многочисленные обиды, много ли ты навоюешь с горсткой бойцов?

В общем, приблизительно четыре сотни дополнительных противников. Итого – общий счет от семисот до восьмисот. И не меньше четырех тысяч в Адене, немалая часть из которых может подоспеть на выручку минут через пять-десять.

Хотя не вижу смысла в такой выручке. Я знаю, на что способны мои люди, и точно так же хорошо знаю, на что не способны. Три десятка умелых противников без пулемета в одиночку не победить.

Пулеметов у нас, увы, не было, а соотношение как раз тридцать к одному. Ну ладно, пусть двадцать девять – громадная разница. Значит, при открытом столкновении шансов у нас нет вообще...

География Адена и его окрестностей проста, как начало школьного курса геометрии. Сильно вытянутый клиновидный треугольник, по длинным сторонам неровно обрезанный протоками Лемуры, по короткой – упирающийся в камышовые джунгли растянувшихся на десятки километров плавней. При строительстве замка часть земли у трясины отвоевали, поставив Гнилую стену на высокой насыпи. Название свое она получила из-за того, что, несмотря на все усилия строителей, на нижних ярусах единственной здешней башни свирепствовали грибок и плесень. Сырость там царила и промозглой зимой, и жарким летом. Сооружение было далеко не древним, но уже выдержало не один капитальный ремонт: приходилось менять прогнившие стропила и прочие деревянные детали, для чего с далекого севера привозили стволы матерых лиственниц. Они даже в вонючей трясине способны веками простоять, но здесь почему-то долго не выдерживали.

Внешних подступов к Гнилой стене никто даже не подумал осушать. Правда, насыпали сеть параллельных троп, отходящих от крепостного вала. По ним время от времени проходили работники с особого рода длинными косами: сено такой не заготовишь, а вот камыш и тростник резать издали можно. Таким образом, высокая растительность на этой части болот отсутствовала, не мешая лучникам поражать гипотетических штурмующих и создавая неудобства вражеским лазутчикам.

Шли годы. Набеги, войны, местные дрязги – много чего случалось, но вся эта суета проходила мимо замка Адена не заглядывая. Одна стена нависает над глубокими водами судоходного рукава Лемуры: атаковать там – только людей понапрасну губить. Чтобы добраться до дальней ее части, надо для начала захватить сам Аден, а он тоже неплохо укреплен. Третья частично прикрыта широким каналом, частично городскими укреплениями; если глянуть с высоты птичьего полета – можно подумать, что цитадель похожа на зубило, забитое чуть ли не до центра застройки. Самая короткая стена, защищаемая единственной башней, нависает над болотистыми плавнями, где даже диким

кабанам не везде раздолье, а честным воинам там делать нечего.

Стены каменные. Башни каменные. Камни, надо признать, что надо: здоровенные, на совесть скрепленные друг с другом. Строителей, допуская халтуру, здесь наказывали одинаково – вешали и оставляли болтаться на ветру недельку-другую. Их вид оказывал столь стимулирующее воздействие на более удачливых коллег, что процент брака стремился к нулю. Таких твердынь с ходу не берут, требуется полноценная осада, и парой месяцев дело не ограничится. А где размещать лагерь осаждающих? Ведь почти вся сухая земля на острове занята городом и замком, а оставшаяся плохо подходит для армейского использования территории и к тому же доступна для обстрела артиллерией великого герцога. Запасы снарядов велики, как и продовольствия, в воде недостатка никогда не будет: с одной стороны река, с другой канал.

Да тут можно пару лет без толку простоять...

И хоть ни разу за всю историю крепости здесь не случилось ни осад, ни штурмов, слава неприступного замка просто так не дается. Потенциальные нападающие знали не меньше меня, потому об Аден никто не стремился ломать зубы. При желании, конечно, можно и такой орешек раскусить, только стоит это будет и времени, и денег, и жизней. Особенно денег. И гарантированно положительный результат возможен лишь в случае подавляющего превосходства осаждающих над осажденными. А этого трудно добиться, если помнить об особенностях местной политики: Таллир и Маглан в стороне от такого не останутся.

Нога опять замерла: под ступней что-то не то. Но не похоже на очередной сюрприз со стороны гарнизона замка. С бесконечной осторожностью изучил пространство впереди. Так и есть – похоже на одну из насыпей, по которым ходят те самые крестьяне с косами, привлекаемые с соседних островов специально для борьбы с болотной растительностью. Простолюдинов жалеть не принято, но и калечить их без нужды смысла нет, так что колючек по этим тропам не раскидывают. Прекрасно, дальше пойду походкой человека, а не сонной цапли.

Еще несколько шагов – и я впервые за ночь выбрался на сухую землю. Несмотря на все предосторожности, болотные пиявки нашли лазейки к коже, и стоило большого труда удержаться от соблазна ослабить обвязки, скинуть обувь и штаны, после чего жестоко расправиться с кровопийцами. Не до них пока что.

Но позже они обязательно пожалеют, и пожалеют сильно – я им ни капли крови не прощу.

Сбоку чуть слышно чавкнуло, и я мысленно проклял неуклюжего гада, не способного бесшумно извлечь свою кривую ногу из болотной жижи. Жаль, в темноте не видно, кто на этот раз отличился. По возвращении в Мальрок он бы у меня не меньше пары месяцев занимался подметанием плаца без помощи метлы – для такого случая проштрафившемуся выдадут тяжелый лом. И я бы лично утром и вечером проверял качество уборки, проводя по брусчатке белоснежным платком. И этим самым ломом ему по глупой башке за каждую обнаруженную пылинку...

Впрочем, два месяца он не протянет. Быстрее помрет от тысячи болезней из-за моих мысленных проклятий.

Ночное болото жило далеко не бесшумной жизнью. Квакали лягушки, кто-то где-то плескался, через камыши шмыгали мелкие шустрые зверюшки, а иногда и создания покрупнее – кабаны, от которых здесь спасу нет. На фоне всего этого пузыри газа с потревоженного дна и прочий шум, создаваемый бойцами отряда, не должны были насторожить часовых.

Но это не означает, что можно расслабиться, – ведь впереди одна из самых сложных стадий операции: надо пробраться в замок.

Как я уже говорил, Гнилая стена была каменной от низа до верха. Насчет верха – высота от основания до гребня приблизительно с четырехэтажный дом хрущевской постройки. Жильцы таких строений имеют все основания жаловаться на низкие потолки, микроскопические кухни и прочие неудобства, но в данный момент я бы многое отдал, чтобы потолки их квартир были вровень с плинтусами, и пусть выкручиваются как угодно.

Мечты-мечты...

Крюк был увесистым, как и полагалось железному крюку тридцати сантиметров в длину и с палец толщиной. Тяжести прибавлял пеньковый жгут, в два слоя обвивавший металл. Там, где тяжелая сердцевина все же проглядывала, ее на совесть залепили какой-то гадостью, похожей на смолу рыжеватого цвета.

Не знаю, как такая называется и откуда ее берут мои подчиненные, а спрашивать опасаясь – это может навредить моему имиджу.

Все до единого уверены, что страж знает куда больше, чем десяток самых матерых придворных мудрецов. Будет неприятно опростоволоситься, продемонстрировав незнакомство с вещами, известными, я так полагаю, любому неграмотному крестьянину.

В очередной раз прикинув тяжесть крюка, я покосился на темную громадину стены замка Адена. Гребень ее можно было без труда разглядеть на фоне неба, несмотря на легкую пасмурность погоды. Может, ее и называют Гнилой, но выглядит она очень даже добротной. Пожалуй, рановато пробовать, есть риск не добросить, работать придется вплотную.

Шаг, еще один, еще. Замереть мраморной статуей. Что это было? Звякнул металл доспехов расхаживающего поверху часового? Или болотный вурдалак, подкрадываясь, в нетерпении скрипнул острыми клыками? Если верить местным крестьянам, всякой нечисти в плавнях раза в два больше, чем лягушек, а ведь судя по хоровому кваканью, земноводных здесь как китайцев в Пекине.

Впрочем, учитывая поголовное пристрастие крестьян к выращиваемой ими же интересной продукции, к переполненным мистикой рассказам стоит относиться скептически. Это земная конопля не очень-то способствует проявлению галлюцинаций, здешний ее родственник куда серьезнее.

Раскачать крюк, крутануть пару раз, поморщившись от создаваемого им шума, и отправить в свободный полет по рассчитанной траектории. Есть: улетел за гребень стены, после чего звякнул о камень, несмотря на все предосторожности.

Замерев, жду реакции наверху. Что дальше? Тревогу поднимут? Стрелы полетят? Или нечто другое? То, на что я рассчитывал.

Около минуты никакой реакции. Уже было собрался потянуть за веревку, но она дернулась, натягиваясь самостоятельно. То есть это мне снизу так казалось, но ведь сама собой она шевелиться не должна. Кто-то ее тянет, закрепляет.

На фоне неба показался темный силуэт головы, заглядывавшей через гребень, после чего уши уловили подозрительное цоканье. Такое издает местный лесной грызун, близкий родич белки. Живет в светлых сосновых лесах, на болоте ему делать совершенно нечего, но кто виноват в том, что имитировать голоса созданий трясины Амед так и не научился.

Дернув за веревку, я дождался ответного двойного рывка и, уже не очень-то осторожничая, произнес:

- Порядок. Все наверх.

Сигнал головореза означал, что на Гнилой стене и в ее единственной башне часовых нет. Во всех других случаях число рывков было бы другим, заранее согласованным, закрепленным для всех возможных вариантов развития ситуации.

Все прежние мысли насчет излишней высоты стены разом выветрились из головы: наверх я взлетел будто коршун, ничуть не заботясь о тишине подъема. А чего бояться, если часовых нет, а кроме них опасаться некого? Я ведь прекрасно помнил, что за Гнилой стеной располагаются загоны для скота, ныне пустующие. Животину в них должны загонять при угрозе осады, в остальное время там тихо и безлюдно, нам никто не должен помешать.

Разумеется, это не означало, что мы можем хором орать кабацкие песни сопровождая свои вокальные занятия битьем в барабаны и дутьем в горны. Все же нас двадцать восемь человек, а ночь – тихое время суток. До стен, где теоретически имеются бдительные караульные, не больше сотни метров в обе стороны. Даже в одиночку можно без труда докричаться. Так что наглеть не стоит.

Амед протянул руку. Отказываться от помощи я не стал и через пару секунд оказался на стене. В замке Адена мне до сих пор бывать не доводилось, но наслышан я о нем немало, так что не удивился ширине стены: телега проехать сможет, еще и место для пешехода останется.

Освещение было слабым: едва чадящий факел, закрепленный перед окованной железными полосами дверь башни, которая возвышалась шагах в сорока, более чем наполовину выдаваясь из стены. Но звезд в небе и этого огонька

хватало, чтобы разглядеть хеска во всей красе. Этот мордovorot, всю сознательную жизнь занимавшийся тем, что разнообразными способами отправлял на тот свет себе подобных, выглядел, очень мягко говоря, не совсем обычно. Никаких кожаных доспехов, которые он, по-моему, даже укладываясь спать, не снимал. Сейчас эту сбрую сменило вульгарное пестрое платье с кучей выглядывающих из-под него нижних юбок, что среди местных дамочек нетяжелого поведения считалось особым шиком. Даже нехватка света не могла скрыть того факта, что губы душегуба ярко окрашены, а на щеки наведен чрезмерный румянец. Для завершения образа трансвеститу не хватало всего лишь пары мелочей: бритая башка выглядела, скажем так, не слишком женственно, короткая черная бородка тоже не гармонировала со всем прочим.

Я не стал потешаться над некоторыми особенностями внешнего вида лазутчика и максимально серьезным тоном спросил:

– Что с часовыми?

– На стене был один, в башне трое, – доложил хеск.

Я выразительно провел руками по горлу и вопросительно уставился на Амеда. Тот покачал головой, коротко добавив:

– Живы.

– Шуметь не стали?

– Да они и без нас почти при смерти, грех руки марать о такое. Тот, что на стене стоял, – единственный кое-как шевелился. Те, которые в башне, – готовые бревна. Можно было и не связывать, зря веревки перевели.

Глядя, как две подоспевшие молчаливые фигуры помогают остальным забираться на стену, поинтересовался:

– А где остальные милые дамы?

– В башне.

- Как тут?

- Все как мы ждали. - Амед ослабился. - Даже чуть больше. И без помощи обойтись можно, тут троих достаточно, легкая работа.

- Что за шум? - кивнул в сторону, перпендикулярную стене.

- В донжоне вояки так и гудят. Таллирцы и малганцы которые.

- А герцог со своими?

- Последний раз, когда я его видел, высочайшего тащили за руки и за ноги в сторону хлева с целью бросить в кучу навоза.

- То есть в замке еще остались те, которые в состоянии ходить и даже носить других? - напрягся я.

- Сейчас вряд ли. Это было как стемнело, времени с той поры немало прошло, и утекло немало. Не воды...

Что ж, пока что все идет как должно было идти.

Таллир и Маглан - более чем странные соседи. С виду, казалось бы, непримиримые враги в спокойное время, но самые верные союзники в те не слишком частые моменты, когда кому-нибудь из них грозит серьезная внешняя опасность.

Я вот почему-то никогда не верил, что эти страны населены какими-то особыми, совершенно непохожими на других людьми. Даже демы, являющиеся, по всеобщему убеждению, тварями куда поганее диких людоедов, от северян отличались лишь более ядреным загаром, а не социальными привычками. А раз так, то каким образом таллирцы с магланцами не хватают друг друга за глотки начиная с первых мгновений встречи в Адене и дальше, во время совместного похода и битв? Ведь нормальному человеку ой как непросто вот так взять и просто так забыть старые обиды, пусть и не навсегда. А ведь это неизбежно скажется на взаимодействии временных союзников, причем не в лучшую

сторону. Но очевидцы все как один твердят, что никакие серьезные конфликты на почве былых распрей в таких походах не допускаются.

И каким же способом этого добиваются?

Должен признаться, я тщательно изучил этот вопрос, но до сих пор не имею полного ответа. То там часть, то там – будто плохо связанные друг с дружкой кусочки мозаики, которые вот-вот сложатся в единую картинку... или никогда не сложатся. Одно могу сказать точно: враги «спаиваются» в единую армию целым набором своевременно применяемых средств. Начинается это еще в тот миг, когда приходят первые известия о внешней угрозе. Как только король одной из держав получает убедительные доказательства этой самой угрозы, он посредством особого отряда церемониальных гонцов уведомляет вражеского коллегу. Тот в ответ шлет свою «почту», благо путь недолог, и даже полные психи не тронут всадников под тревожными знаменами. Затем, выждав два дня (депеша должна успеть дойти), сюзерен обращается к вассалам.

Дальше все до последнего, самого никчемного барона с более чем сомнительными правами на титул раскрывают двери узилищ, выпуская пленников, которых держали в ожидании получения выкупа. Не навсегда отпускают, а до окончания войны. После этого «хозяин живого товара» должен получить или причитающиеся деньги, или живую добычу назад, в застенки. Не вернуться или не заплатить нельзя, это грозит последствиями куда более нехорошими, чем в том случае, если во время мусульманского поста пройти по центральной улице Мекки без трусов, с ермолкой на голове, напевая гимн Израиля, между куплетами закусывая водку салом и громогласно оскорбляя религиозные чувства правоверных.

Это даже не позор: в Мекке ты жить уже никогда не будешь. Да и насчет «жить» где бы то ни было как-то сомнительно...

В общем, в Таллире и Маглане уклоняться от обязанностей пленника не принято.

Что же потом? А потом собравшиеся вассалы выслушивают короля на особом съезде, где он рассказывает, что кто-то желает зла их злейшим соседям, причем желает этого серьезно. Чисто формальное мероприятие: ведь несмотря на отсутствие телевидения, радио и Интернета, новости здесь расходятся с такими скоростями, что даже церемониальные гонцы на своих лучших

лошадях обречены плестись за хвостами информационных потоков. Все дело лишь в обычае – просто сюзерен официально уведомляет подданных о том, что дело пахнет войной. Простая формальность.

Таллир и Маглан маленькие, но донельзя гордые страны и к тому же обремененные ворохом интересных национальных особенностей. И те, и другие феодалы на королевских съездах ведут себя одинаково: выслушав короля, задают ему один и тот же традиционный вопрос: «Неужели кто-то и правда вознамерился переть на нас буром и не собирается передумать?» После получения утвердительного ответа собравшиеся стремительно разбегаются. Часть отправляется предаваться безудержному пьянству, тост за тостом посвящая недолгую здравую клинических идиотов, решивших идти войной на доблестный Таллир или Маглан, остальные бегут в церковь, где заказывают молебны, слово в слово повторяющие тосты.

Впрочем, вторые в церквях не задерживаются и очень быстро присоединяются к первым.

Вечного здравия идиотам никто при этом не желает. Пусть живут прекрасной жизнью, но лишь до начала битвы. Не хватало еще, если отбросят копыта, до этого момента испортив настроение честнейшим жителям сразу двух гордых стран.

К Адену и то, и второе войско доползает на стертых бровях, и все не разваливается по дороге только благодаря тому, что у магланских и таллирских феодалов имеются особые специалисты – военные управители. Главная задача управителей – оставаться трезвыми до того момента, когда за спинами бойцов отряда захлопнутся тяжелые створки аденских ворот.

С этого момента начинается основной этап слияния армий – пьянству предаются даже управители.

Вакханалия продолжается два-четыре дня, в зависимости от обстановки и неизвестных мне причин. Всякого рода конфликты, вспыхивающие в этот период, списываются на слабость виновников перед алкоголем. Так как слава не контролирующего себя выпивохи среди вояк двух королевств не котируется, каждый старается не ударить лицом в грязь, и до кровавой резни не доходит.

Но если честно, до сих пор не пойму, как две толпы вооруженных до корней зубов людей, традиционно недолюбливающих друг дружку, ухитряются не переходить той тонкой грани, за которой неизбежно вспыхивает безудержное побоище.

Рассказывать, что происходит дальше, не стану: нам интересна лишь «пьяная стадия» подготовки к походу.

Все потому, что именно на ней у такого наглого типа, как я, появляется шанс: малыми силами и бескровно поставить в интересную позу оба королевства.

Ну и плюс герцогство Аден с его великим герцогом. Правда, прежде чем ставить последнего на колени, его еще надо найти, а затем извлечь из навоза и хотя бы немного отряхнуть. Пусть и права на титул оспариваются, но все же не последний аристократ.

Кстати, а ведь его гвардия – почти единственное, что меня напрягало в плане.

Гвардейцы великого герцога не обязаны принимать участие во всеобщем веселье. И вообще не факт, что их за стол пустят.

– Амед?

– Чего?

– Что с гвардией?

– Какой гвардией?

– Ну эти... люди герцога.

– Ну... кто не успел убежать, того долго били.

– За что?

- Ну это... не любят их здесь. Ходят как петухи расфуфыренные, чужаки они, и все такое. Народ слов нет как подраться хочет, а кого здесь бить, если друг дружку как бы нельзя? Ну а тут эти каплуны под рукой, такие все красивые и с мордами откормленными.

- То есть гвардия точно не помешает?

- Точнее не бывает.

В башне собралось несколько странное общество: четыре дамы, одетые столь же вульгарно, как и Амед (все как одна «по паспорту» были вовсе не женщинами), и трое местных вояк в легких доспехах. Солдаты были на совесть связаны, двоим заткнули рты кляпами и усадили к стене, оставшийся со свободным ртом лежал на боку и храпел так, что слушать было страшно. Милую картину освещал чадящий на последнем издыхании факел, спиртных паров и миазмов от рвотных масс в атмосфере помещения было куда больше, чем кислорода, так что огню приходилось несладко.

Ввиду того, что подчиненных надо держать в узде двадцать четыре часа в сутки, я указал на третьего часового и тоном, не предвещающим ничего приятного, спросил:

- Почему этому вонючке рот не заткнули?

Люк, благодаря телосложению и смазливой физиономии больше всех годящийся на роль переодетого в женщину мужика и также больше всех от этой роли пытавшийся отвертеться, неохотно буркнул:

- Этого дрانого козла тошнит все время. Захлебнется ведь. Всякому позорно умереть от такого, тем более воину.

- А если он орать начнет, не позорно будет?!

- Да на нем дрова колоть можно, даже сопеть не перестанет! - начал оправдываться один из моих лучших разведчиков.

В башню подтягивались все новые и новые лица, кто-то особенно острый на язык не сдержался:

- Люк! Да ты та еще красотка! Я, пожалуй, на тебе женюсь!

- Сперва со своей свиньей разведись, - не остался в долгу разведчик.

Отношение к свиньям в моем войске - большая тема. Хуже оскорбления не придумаешь. Воин вспыхнул в одно мгновение, схватился за рукоять меча:

- Что ты сказал?!

- Тихо все! - вмешался я. - Кто хочет пошутить, тот пусть ползет назад по болоту и в камышах шутит сколько ему захочется.

К большому разочарованию местных комаров, возвращаться в болото никто не захотел, и дальнейших насмешек не последовало.

- Одежду-то принесли?! - чуть ли не взмолился Люк.

Тук скинул с горба увесистый тук, буркнул:

- Ищи сам свое тряпье, я к вам в горничные не нанимался. Ну чего встал? Развязывай мешок, там все барахло. Или не развязывай, ходи так, может, и правда кто-то жениться захочет, хоть какой-то толк от тебя будет.

- Пожалуй, платье тебе оставлю. Тебе больше идет.

- Хрен ты угадал, оно на горбу застрянет.

- Ничего, и так от парней прохода не будет.

Очередной воин, появившийся в дверях, доложил:

- Люди Арисата подошли к стене, сейчас забираться начнут.

Это хорошо, что не задержались. Как поднимутся, начнем брать замок по-настоящему. Мы ведь не ради одной башни полночи радовали болотных комаров.

Глава 3

Штурм

Теперь со мной далеко не двадцать восемь человек. Народ в дружине Арисата не чета моим разведчикам: слишком шумные для таких деликатных дел, как тайное проникновение на стену замка, имеющего репутацию неприступного. Так что они заявили, лишь когда мы обеспечили все условия для относительно тихого проникновения. И теперь, стоя на верхней площадке надвратной башенки внутренней цитадели, я кривился, будто объелся лимонов. Две сотни воинов, закованных в стальные латы, при движении в тесном строю грохотали, будто разгоняющийся товарный поезд. Не удивлюсь, если их слышно на весь остров. А ведь не все население просматривает навеянные алкоголем сны, остались и бодрствующие. Стражники городские и портовые, вышедший на промысел воровской люд, страдающие бессонницей мирные обыватели и прочая публика.

Кто из них первым решит поднять тревогу? Вряд ли воры, им не по душе благородные поступки в тех случаях, когда требуется предупредить власти о чем бы то ни было. Но не одни они сейчас бодрствуют.

Мы должны быть быстрыми. В мире, где отсутствует телефонная связь и много чего вместе с ней, поднять тревогу тоже можно, но на это потребуется куда больше времени. Начав работать всерьез, мы теперь не можем останавливаться ни на минуту. И все должно идти по плану, то есть без крови. Может, кое-кто из ребят и мечтает о хорошей драке, но не я. Не ради боя сюда явился.

Как ни вбивал в головы подчиненных, что бескровный успех куда эффективнее славной битвы, до многих так и не дошло.

Во многих случаях мне гораздо проще наладить взаимопонимание с врагами, чем со своими ближайшими соратниками...

Пьяным гостям герцога требовались развлечения, так что доселе неизвестное в этом мире «шоу бородатых трансвеститов» появилось здесь весьма кстати. Суровым воякам оно пришлось по душе. А что с них взять, люди-то простые, достаточно было научить моих никудышных актеров паре-другой новых здесь шуточек – и грандиозный успех обеспечен. Играли они, само собой, бездарно, но в другом были весьма и весьма талантливы. А именно – в изучении диспозиции. Так что сейчас грохочущие железом отряды отделялись от общей массы и уверенно двигались за проводниками. Под контроль брались все выходы из замковых зданий и башен, вязали в стельку пьяных часовых, собирали валяющихся там и сям крепко уставших гостей. И все это без криков и битья в тревожные колокола. Я выслушивал один доклад за другим и напрягал губы в попытке подавить торжествующую улыбку.

– Вторая речная башня взята.

– Главные ворота наши.

– Вся восточная стена наша.

Все идет по заранее утвержденному плану и без сюрпризов.

– Входы в главный зал наши, но внутрь еще не заглядывали.

– Почему?!

– Да там пьют еще. Опасные ребята. Самые сильные на ногах остались. Похоже, оба короля – слабаки, такого титула не получают.

Ну да, наслышан. И в Маглане, и в Таллире эти должности как бы не выборные, но по факту задержаться на троне сумеет лишь человек с весьма нерядовыми личностными качествами. А уж если слаб физически – так даже близко не сможешь подойти.

– Ладно, идем туда. Пора поздороваться с уважаемыми людьми, а то как-то невежливо получается.

Под главным залом здесь подразумевалось самое большое замковое помещение. Располагалось оно в Герцогской башне – отдельно стоящем каменном сооружении. Помимо оборонительного значения оно являлось личными апартаментами великого владыки Адена. Высокое укрепление с примыкающими постройками было последним бастионом, который мог еще долго сопротивляться в случае захвата стен.

Но только не сегодня. Никто не озаботился закрыть окованные железом двери, а часовые, которые за ними присматривали, были недееспособны. Через одного мне пришлось переступить. Ему даже рот не стали затыкать, лишь руки небрежно связали. По-моему, последнее лишнее: этот набрался так, что любой штатский на его месте был бы уже давно мертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/artem-kamenistyj/tayny-ordena>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)